

«Апостольская традиция: хорошая мина при плохой игре»

Так называется авторская статья одного из российских апологетов Свидетелей Иеговы по имени Антон Чивчалов. Размещена она на персональном блоге автора 9 декабря 2012 г.: chivchalov.blogspot.ru/2012/12/blog-post_9.html. Статья эта не могла не привлечь наше внимание по двум причинам: во-первых, автор ссылается на некий разговор с одним из сотрудников «Ставра», в ходе которого ему, якобы не было представлено ни одного довода, подтверждающего непрерывность апостольской традиции; и во-вторых, потому что данная статья изобилует историческими и логическими ошибками.

Ниже мы прокомментируем его заявления и доводы. После вступительных слов известный интернет-апологет переходит к конкретике:

«Когда я размышляю на эту тему, когда читаю историю ранней церкви и Византийской Империи (например, есть замечательная книга российского византиниста А. Васильева, где большое внимание уделяется церковной истории), я не вижу серьезных исторических доказательств какой-то неразрывной связи между официальной римской церковью и ранней христианской общиной».

Давайте, прежде всего, определимся, что автор понимает под ранней христианской общиной? Судя по всему, речь идет не о первохристианской общине. Обычно под ранним христианством понимают христианство II-III веков н.э.

«Я не вижу, что та церковная фракция, которая возобладала при Константине, вытеснив остальные и получив привилегии, и является носителем «той самой» традиции».

А какая фракция возобладала при Константине? Если автор думает, что фракция Афанасия Великого и Осии Кордубского, то он ошибается, не зная истории. После самого Никейского собора именно полуарианская фракция во главе с Евсевием Никомидийским и Евсевием Кесарийским стала преобладать повсеместно. Об этом можно узнать из любого учебника по истории христианской Церкви. Для большей объективности, мы предлагаем опираться на знаменитого историка, протестанта Филиппа Шаффа, которого сложно упрекнуть в ангажированности.

«Я вижу совершенно другое – что в период со второго по четвертый век христианство представляло собой довольно разношерстное полотно разных взглядов, групп, фракций, партий, которые конкурировали между собой».

Верно, это так. Наряду с истиной всегда существовали лжеучения и ереси, начиная еще с апостольских времен. Ересь всегда является производной от истины. И, безусловно, между этими группами велась интеллектуальная борьба.

«В четвертом веке ситуация резко поменялась: одна из партий взяла верх и начала доминировать, в основном с помощью государственного аппарата. Конечно, она тут же

заявила, что является носителем апостольской традиции. Но почему мы должны верить ей на слово?»

К сожалению, Чивчалову не достает конкретики. Какая одна из партий? О ком идет речь? В любом случае отметим, что полуарианская партия добилась своего доминирующего положения благодаря политическим интригам и поддержке сильных мира сего. Оба упомянутых выше Евсевия пользовались покровительством Константина Великого.

Вот как описывают ситуацию историк Филипп Шафф: «Арианство было переплетено со светской политической властью и придворными интригами; оно представляло имперско-папский принцип, и время его преобладания при Констанции было периодом самого произвольного и насильственного вмешательства государства в права церкви. Афанасий же, которого так часто смещали императоры и который так смело высказывался о Констанции, отстаивал лично не только ортодоксию, но и независимость церкви от светской власти и в этом отношении был предшественником Григория VII, пошедшего наперекор германскому имперскому принципу. Если арианство приспособлялось к изменчивой политике двора и распалось на разные школы и секты, утратив императорскую поддержку, то никейская вера, как и ее великий защитник Афанасий, при всех внешних переменных оставалась верна себе и шла вперед только благодаря естественному внутреннему росту» (Шафф Ф. История Христианской церкви. Том III, стр. 424)

«Еще в начале 4-го века преобладающей традицией было арианство. Весь Восток был арианским, арианином был знаменитый историк церкви Евсевий Кесарийский, арианами были остготы, захватившие Рим, и даже сам император Константин перед смертью был крещен арианским епископом (а Константин считается «святым» и «равноапостольным»)».

Во-первых, арианство не было преобладающей традицией в начале IV века. Еще около 266 года шесть епископов Антиохийского собора написали послание еретику Павлу Самосатскому о Божественности Сына: «Сего-то Сына, познавши из Ветхого и Нового Завета, мы исповедуем и проповедуем рожденным, едиnorodным Сыном, образом невидимого Бога, перворожденным всякой твари (Кол. 1, 15), премудростию и словом и силою Божию (1 Кор. 1, 24), существующею прежде веков, *Богом не по предведению, но по существу и ипостаси (!)*, Божиим Сыном». Если арианство было преобладающим, то каким образом Александрийский собор предал анафеме Ария в 320 году? Кто тогда анафематствовал учение Ария на Антиохийском соборе 324 году? Заметим, все это происходит еще до Никейского собора! Хотя, конечно, нашлись епископы, которые поддержали Ария. Все они, так или иначе, были учениками оригениста Лукиана Антиохийского, знаменитого учителя, чьи богословские взгляды в итоге породили арианство. Во-вторых, Евсевий Кесарийский был полуарианином, которые выступали за «подобосущие» и потому не считали Сына творением, созданным во времени¹.

«Но прошло всего несколько десятилетий, и вот ситуация резко поменялась и арианство вдруг оказалось в опале. Как же так?»

---

¹ Прекрасный обзор различных арианства и полуарианства приводит Филипп Шафф в «Истории Христианской церкви». Том III, стр. 425-428.

Очень просто. Арианство не было единым лагерем. Оно распалось на несколько противоборствующих групп и проиграло в интеллектуальной борьбе ортодоксии.

«Мы видим не гармоничное развитие единой традиции, а постоянные метания в разные стороны в результате колебаний церковно-политической конъюнктуры. Эти метания происходили постоянно, чуть ли не каждый год, в результате множества субъективных факторов, часто совершенно нерелигиозных».

Чивчалов был бы прав, если бы смог доказать, что ортодоксальная, никейская христология, была придумана Афанасием Великим и ранее не прослеживалась. Однако этого нет. Афанасий выражает то, о чем говорил в самом начале II века Игнатий Антиохийский и во второй половине этого же века, Иринеи Лионский. Кроме того, Запад не был вовлечен в арианскую смуту. Там по факту исповедовали никейскую веру, даже не зная о Никейском символе веры. Например, знаменитый западный богослов Иларий Пиктавийский писал: «Свидетельствуюсь Богом неба и земли, — пишет Иларий, — я никогда ни того ни другого из этих выражений (т.е. ни "ex substantia" [«из сущности»], ни "consubstantialem" [«единосущный»]) не слышал, но мыслил всегда согласно с ними. Возрожденный в св. крещении и даже пробыв несколько лет епископом, я, однако же, услышал веру никейскую лишь тогда, когда меня отправляли в изгнание».

«Если бы не ряд событий, арианство могло бы сохранить свой статус, и сегодня мы бы ничего не слышали о таком учении, как Троица. И сегодня уже арианская православная церковь, почитая Ария великим отцом церкви, точно так же называла бы себя истинно апостольской. У нее и сейчас есть святые ариане, тот же Константин. Но история распорядилась иначе, маятник качнулся в другую сторону, и всего за несколько десятилетий арианство из господствующей традиции превратилось в ересь».

История состоит из событий. Вопрос лишь в том, закономерны ли эти события? Арианство поддерживалось императорами около 50 лет после Никейского собора. Ортодоксальная партия была в постоянной опале. Сам Афанасий Великий неоднократно был в продолжительных ссылках. Однако победа никейской веры, прежде всего, была обеспечена благодаря интеллектуальному, логическому и богословскому превосходству ее защитников (Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст) перед арианами, которые раскололись на противоборствующие лагеря. И даже воля Феодосия I, созвавшего Константинопольский собор 381 года, не была бы решающей, если бы арианство не изжило само себя. Напомним, что большинство полуариан ко времени этого собора перешло на сторону никейской ортодоксии.

«Это лишь один пример из многих, показывающий, что никакой единой сквозной традиции от апостолов до эпохи соборов не было, как бы ни хотелось православным богословам в это верить. Когда они об этом говорят, они выдают желаемое за действительное. Это богословски желаемое, но не исторически действительное. За три века в христианском мире было столько метаний, столько бурления и броуновского движения, что о какой-то сквозной традиции просто не приходится говорить. Христианский мир принял качественно новую форму».

Давний спор между ортодоксальными и протестантскими историками Церкви: приняло ли христианство в IV веке качественно новую форму? Безусловно, христианство изменилось, вопрос лишь в том, насколько принципиальны были эти изменения. Мы

предлагаем сравнить вероучения и каноническое устройство Церкви в доникейский период с никейским, чтобы ответить на этот вопрос. Ниже мы это и сделаем.

В качестве аргумента Чивчалов приводит слова Адольфа Гарнака из знаменитой книги «История догматов», который был классическим сторонником «острой эллинизации христианства». Впрочем, приводя Гарнака как доказательство, было бы хорошо упомянуть, что сей ученый ратовал за «демифологизацию» Нового Завета, в результате чего христианство рассматривалось им не как Богооткровенная религия, а лишь как этическое учение и не больше. Возникает вопрос: может ли историк, отвергающий Божий Промысел, дать объективную, с точки зрения христианства, оценку событиям и историческим процессам? Может ли такой ученый всерьез отнестись к словам Спасителя: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мат. 16:18), «Я с вами во все дни до скончания века» (Мат. 28:20)?

«Но для очень многих людей очевидно, что современное православие во всех существенных аспектах отличается от того, о чем мы читаем в Новом Завете: учение, практика, атрибутика, политика, образ жизни, методы исследования, методы поклонения – словом, все»

Для многих людей очевидно, что Свидетели Иеговы – это тоталитарная секта. Это не аргумент. Здесь необходимо говорить предметно. Во-первых, из самого Нового Завета мы знаем совсем немного о практиках, атрибутике и методах поклонения. Поэтому для восстановления целостной картины мы привлекаем внебиблейский материал «апостольских мужей», знавших апостолов и писавших на стыке I-II веков. Во-вторых, уверен ли сам Чивчалов, что его Организация выдержит подобную проверку? Например, из Нового Завета мы узнаем, что в апостольское время пресвитеры совершали над болящими христианами елеопомазание, которое приводило к исцелению и прощению грехов (Иак. 5:14,15). Поступают ли так же свидетельские старейшины? Нет, Организация поступила проще, придав этим словам совершенно метафорический смысл. Далее, из Нового Завета мы узнаем, что первые христиане постились (Деян. 13:2,3,14:23) Постятся ли сегодня Свидетели Иеговы? Из апостольских постановлений мы узнаем, что епископом может быть лишь тот, кто «одной жены муж», то есть, был женат единожды. Речь не идет о том, что у епископа может быть только одна жена, как думают Свидетели. Это даже не обсуждается, так как является нормой вообще для всех христиан. Поэтому среди надзирателей Свидетелей Иеговы есть мужчины, бывший в браке не один раз – что недопустимо по слову Ап. Павла. И таких примеров можно привести немало. Так что, осуждая других, было бы неплохо подумать прежде о себе.

«(я уже приводил примеры того, как сильно отличались от современного православия взгляды «отцов церкви» 2-го века)».

О том, насколько сильно отличались взгляды доникейских отцов II века, будет написано в отдельной статье «Заметки о патристике».

Почему бы Антону Чивчалову не описать, как сильно отличались взгляды Чарльза Рассела и Исследователей Библии от современных Свидетелей? Неужели он об этом не знает? И почему тогда у него это не вызывает подобных недоумений? Приведем всего лишь один пример. В книге "Вопросы и ответы" (англ., сборник вопросов, которые задавали Расселу на конвенциях в период 1906-1916 гг., и его ответы на них) ему был задан личный вопрос (в 1912 году): "Обращаешь ли ты свои молитвы только к Отцу во имя Сына?" И вот его ответ: «Обычно свои молитвы я обращаю к Небесному Отцу - и только во имя Господа Иисуса; но иногда обращаю их прямо к Иисусу, ибо не вижу, чтоб

в Священном Писании было что-то против этого. В Писании сказано, чтоб «все чтити Сына, как чтут Отца» [Ин. 5:23]. В Писании почти всегда молитвы обращаются к Отцу, и я думаю, есть только один пример, отличающийся от этого правила: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» [Отк. 22:20]»². Рассел не упомянул еще Деян. 7:59 и 1 Кор. 16:22. В любом случае, можно ли утверждать, что практика обращения прямо к Христу является чем-то незначительным?

Если же Чивчалов скажет, как это обычно делают Свидетели Иеговы, что их ранние предшественники не все правильно понимали, то почему же автор отказывает в этом предшественникам никейской веры?

«Мне интересно, если бы сегодня апостол Петр или Павел оказались в православном храме, узнал бы он в нем что-то знакомое?»

А что они могли узнать, если в I веке христианских храмов вовсе не было? Можно задать аналогичный вопрос: если бы кто-нибудь из апостолов взял в руки журнал «Сторожевая башня» со статьей про 1914 год и невидимое присутствие Христа, узнали бы они свое новозаветное провозвестие?

«Почему эта якобы единая традиция изменилась до неузнаваемости? Как традиция может измениться до неузнаваемости во всех существенных аспектах, но остаться той же самой традицией? Тогда эта какая-то виртуальная традиция, традиция-ширма, за которой не стоит ничего, кроме названия».

Действительно ли она изменилась до неузнаваемости? Мы не говорим о внешних формах религиозности и поклонения. Они-то как раз не принципиальны. Ключевыми аспектами является понимание главных учений апостольской веры: 1) Учение о Боге 2) Понимание Евхаристии и Крещения 3) Определение и устройство Церкви. В конце этой статьи мы разместим «Приложение», в котором эти аспекты будут детально освещены через самые ранние свидетельства.

«Но ведь вот незадача: даже название современной РПЦ не такое, какое было еще сто лет назад».

Неужели название так принципиально? Что существенно изменилось в Церкви в 1943 году? Верования, каноны что-то еще? Свидетели Иеговы поменяли свое название в 1931 году, означает ли это, что они стали другой религией в сравнении с периодом с 1919 года?

«И вот что здесь интересно: если потребовать от православных доказательства того, что их традиция является апостольской, то в конечном счете разговор все равно упрется в чисто догматические вопросы. Будет доказываться, что церковь является носителем апостольской традиции по той причине, что учит тому же, чему апостолы. Но позвольте, ведь об этом же говорят и протестанты со свидетелями Иеговы: главным критерием является правильность учения. Но тогда зачем это лишнее звено? Зачем обосновывать истинность на традиционности, а традиционность на правильности учения, если можно сразу обосновать истинность на правильности учения? Традиционность становится просто ненужным звеном в цепочке аргументов».

---

² Электронная версия книги на англ.: <http://www.mostholymfaith.com/bible/QB/qb.asp?xRef=Q540:5#Q540:5>

Это не лишнее звено! И говорим мы не о традиционности, а о живом Предании - передаче истины. Еще в III веке Киприан Карфагенский говорил: *«ибо древность без истины есть лишь старая ошибка»* (Epist. 74). Прот. Георгий Флоровский писал об апостольской традиции: *«Это отнюдь не только "апелляция к древности". Действительно, Церковь всегда подчеркивает неизменность веры с самого начала, из поколения в поколение. Мы веруем в то же, во что и апостолы - это самый верный признак истинной веры, которая всегда одна и та же. Однако сама по себе "древность" - еще не доказательство истинности»* (прот. Г. Флоровский, «Восточные Отцы. Добавление»).

Антон Чивчалов не замечает, как сам оказывается в своей же логической ловушке. И протестанты, и Свидетели Иеговы утверждают, что только они обладают правильным вероучением! Но как это доказать? Ссылки на Писание здесь не помогут – ими с успехом пользуются и те и другие. Пора давно понять одну простую истину: исходя из принципа «только Писание» невозможно доказать правильность учения, потому как само Писание можно понять и истолковать по-разному. И вот здесь-то критерий непрерывной традиции оказывается решающим.

«И если церковь согласна с тем, что истина выше традиции и без истины традиция не имеет никакого веса, то этот же аргумент можно применить и к ней самой: если будет доказано, что она не соответствует истине, то вся ее сколько угодно богатая традиция не имеет веса. Она сама подтверждает, что согласна с этим принципом. И если я верю по-другому (то есть считаю ее отпавшей от истины), то она не может использовать против меня аргумент о традиции, но должна убедить меня в том, что я неправильно понимаю эту самую истину».

Каким образом можно убедить человека, что мы обладаем истиной, если он не хочет принимать ее главный и единственно возможный критерий: веровать так же, как веровали апостолы? А это в свою очередь невозможно сделать, отвергая исторически прослеживаемую преемственность веры от апостолов. Видимо Чивчалов абсолютно убежден, что по Библии можно что-то однозначно доказать. Многовековая полемическая практика показывает, что на любой аргумент можно найти контраргумент. На любой библейский текст можно дать альтернативное толкование.

«Я очень большой сторонник толкования Библии в рамках апостольской традиции – но только если она действительно апостольская. Если я встречу убедительные доказательства, что современная православная церковь хранит апостольскую традицию, я присоединюсь к ней в тот же день. Пока же я встречаю доказательства скорее обратного».

Что будет расцениваться как убедительное доказательство? Скорее всего, библейские аргументы. Да, но, как известно, «слова опровергаются словами». То, что в тексте видим мы, не видят Свидетели Иеговы, и наоборот. От чего же мы будем отталкиваться, если у нас разные герменевтические ключи?!

«Я читаю историю православной церкви и вижу совершенно чудовищные вещи. Например, у нее были довольно продолжительные периоды, целые десятилетия, когда ни один патриарх не сменял другого мирным путем. Они просто убивали друг друга в лучших византийских традициях, соревнуясь в кровожадности с императорами. Об этом можно в подробностях прочитать у того же Васильева. Можно перенестись на несколько веков вперед и вспомнить массовые расправы над старообрядцами и другими «еретиками» в России. Она такая, апостольская традиция – резня патриархов и массовые убийства? В

рамках вот такой традиции я должен толковать Писание? Если да, то что-то явно не так или с Писанием, или с традицией».

Здесь автор допускают логическую ошибку. Грехи православных не имеют отношения к святоотеческой традиции. Священное Предание не учит расправам над еретиками и соперничеству за патриаршее место. Каким образом отклонение от правила может ставит под сомнение само правило???

«Я хорошо вижу, как удобен принцип верховенства традиции. Он позволяет оправдывать любые злоупотребления, любые манипуляции с Писанием и здравым смыслом, прикрываясь некой абстрактной традицией, которую никто не должен оспаривать. Можно ввести что угодно, от Богородицы и смертности Бога до освящения куличей и автомобилей, и совершенно необязательно проверять, соответствует все это Библии или нет, потому что Библия ничего не решает».

Но эти же обвинения можно обратить и в адрес самих Свидетелей! Неоспоримая власть «верного и благоразумного раба» как земного канала Иеговы позволяет интерпретировать Писание так, как угодно руководству Организации. И никто со стороны простых Свидетелей не сможет подняться с места и сказать, что такое-то учение или практика Библии не соответствует: «Нам следует *всегда* применять руководство, которое предоставляет нам Иегова через наши публикации, встречи собрания и конгрессы» (w10 15.1. с. 10 абз. 14).

«Библия понимается только через призму традиции, а традиция произвольно определяется Синодом, закрыта для обсуждения и вообще слишком сложна для понимания простых смертных».

Кто из Свидетелей может повлиять на Руководящий Совет? Никто! Однако в истории Церкви бывали случаи, когда голоса и аргументация не наделенных иерархической властью христиан, становилась решающей. Афанасий Великий, сыгравший ключевую роль на Никейском соборе был всего лишь дьяконом, секретарем своего епископа. Максим Исповедник, обычный монах, спорил с патриархами-монофелитами, и его богословие одержало победу. Монахи Феодор Студит и Иоанн Дамаскин сыграли решающую роль в иконоборческих спорах, хотя не были иерархами. Возможно ли такое в Организации Свидетелей Иеговы?

«Можно вообще запретить Библию в монастырях и отучить паству от ее чтения, ибо зачем? Она все равно не самодостаточна, не способна объяснять саму себя, для ее понимания нужно изучить множество приложений, а потому можно даже не пытаться»

А разве у Свидетелей не так же? Библия понимается ими исключительно через призму публикаций «верного раба» и никак иначе. Вот что говорится в публикациях Общества Сторожевой Башни: «По воле Иеговы Бога Библия была написана таким образом, что необходимо соприкоснуться с Его человеческим каналом, прежде чем ее можно будет полностью и правильно понять» («Сторожевой Башня» от 15 февраля 1981 года, стр. 17, англ.). «Факт остается фактом, пусть даже не все его признают: мы не можем самостоятельно понять Библию. Нам нужна помощь» («Сторожевой Башне» за 1 октября 1994 года, стр. 6). «Мы не можем надеяться получить святого духа, если мы игнорируем земной канал, которым Иегова пользуется сегодня, а именно «верного и благоразумного раба», представляемого руководящей корпорацией Свидетелей Иеговы. Без помощи этого «раба» мы не были бы в состоянии понимать полного значения

прочитанного и правильно применять изученное (Матфея 24:45—47)» («Сторожевой Башня» от 15 декабря 1987 года, стр. 18 абз. 13)

Далее автор приводит примет подхода Свидетелей Иеговы к пониманию Писаний:

«Иногда можно услышать, что метод исследования свидетелей Иеговы мало чем отличается от православного, но это лишь на первый взгляд. Мы считаем, что любой стих Библии объясняется другими, и таким образом, Библия полностью объясняет саму себя. Церковь же считает, что правильное понимание Библии в принципе невозможно без привлечения сторонних источников, в основном святоотеческой литературы. Библии недостаточно для объяснения Библии. Это качественная разница в подходах».

Мы считаем, что Библия может объяснять сама себя лишь в перспективе «правила веры»: «Ибо там, где обнаружится истина учения и веры христианской, там и будет истина Писания, истина толкования и всего христианского предания» (Тертуллиан. De praescript. haer. 19; ср.: 13). Утверждение типа «любой стих Библии объясняется другим», создают иллюзию объективности. В действительности же именно от решения экзегета зависит тот набор стихов, в контексте которых, будет пониматься искомый. Проблема еще осложняется и тем, что те стихи, которые будут рассматриваться как поясняющие искомый, так же могут быть интерпретированы по-разному. В итоге конечное решение будет оставаться все равно за экзегетом. В конце концов, если бы Библия полностью объясняла сама себя, то за 2000 лет существования христианства наверняка искренние и внимательные исследователи пришли бы к некому консенсусу. Но это, конечно же, не так.

«Самый красноречивый пример – Троица. Встречая где-нибудь слово «бог» по отношению к Христу, церковь объясняет это системой «природа/лицо/ипостась», которая разработана вне Библии. Не зная источников, где разработано и сформулировано это учение, нельзя понять и Библию».

Свидетели Иеговы активно используют терминологию, которая так же была разработана вне Библии. Например, такое понятие как «теократия». В «Сторожевой башне» говорится: «Это слово не встречается в Библии, но точно описывает государственный строй древнего Израиля. ... [иудейский историк I века] Иосиф Флавий ввел в употребление слово «теократия»» (w98 1/9 с. 14 абз. 2,3). Внебиблейская природа термина «теократия» не мешает Свидетелям его активно использовать, потому что он соответствует реальности, описанной в Библии. Точно так же мы используем термины «Троица» и «ипостась», потому что они, на наш взгляд, точно описывают Божественную реальность, о которой говорится в Библии. Понятие же Божественной природы в Новом Завете все же встречается (Деян. 17:29, Евр. 1:3, 2 Пет. 1:4, Гал. 4:8).

«Между тем такое словоупотребление можно легко разьяснить лингвистическими, контекстуальными и прочими аргументами внутри самой Библии. Например, можно объяснить, что у слова «бог» есть разные значения, что легко показывается на примерах внутри самой Библии (напр. Исх. 7:1; Пс. 81:6). Это и есть подход свидетелей Иеговы».

Что ж, автор предлагает показательный пример мнимой объективности и самоочевидности подхода Свидетелей. Во-первых, Чивчалов исходит из того, что все книги Библии говорят на одном языке образов и понятий. При этом совершенно игнорируется жанр, язык, исторический контекст и время написания книги. Во-вторых, тот факт, что библейские книги находятся под одной обложкой, создает впечатление однородности писаний. Игнорирование индивидуальности каждой книги (или корпуса

книг) не позволяет высказаться каждому отдельному автору (особенно если речь идет о разных повествованиях, например, евангелий). В третьих, на каком основании Чивчалов решил, что тот же стих Ин. 1:1 («и Слово было бог») нужно понимать в свете Исх. 7:1 и Пс. 81:6, а не в контексте Кол. 2:9 и 1 Ин. 5:20? Откуда ему известно, что когда ап. Иоанн писал свой пролог он подразумевал тот образный смысл слова «бог», который открывается в Исх. 7:1 и Пс. 81:6? Просто на том основании, что его антиринитарным взглядам соответствует именно такое прочтение.

Вот две причины, лежащие на поверхности, которые показывают, что подход Чивчалова ошибочен. Во-первых, в той же главе ап. Иоанн, говоря об Отце, не использует артикль перед словом «теос» (см. Ин. 1:6,13,18а). Означает ли это, что в этих случаях так же нужно слово «бог» писать с маленькой буквы? Очевидно, что нет. Во-вторых, Исх. 7:1 и Пс. 81:6 показывают примеры применения слова «бог» к людям. Иоанн же применяет этого слово к Логосу в его дочеловеческом существовании. Принципиальная разница очевидна. Если же попробовать рассмотреть этот текст в категориях применения слова «боги» к ангелам (Пс. 8:5, 97:7, 138:1), результат будет так же неудовлетворителен и вот почему. Дело в том, что Евангелие от Иоанна ориентировано явно на грекоязычную среду, не знакомую с иудейством и ивритом (См. Ин. 1:38—42; 4:9; 5:28 и др.). Следовательно, Пс. 8:5, 97:7, 138:1 необходимо рассматривать по Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета. Там в этих текстах мы находим уже не θεοι [боги], как в Танахе, но αγγέλου [ангелы]. Значит, Иоанн не мог подразумевать под словом «теос», применительно к Слову, ангельскую сущность Сына. Такой связки просто не могло быть в сознании грекоязычных христиан Малой Азии, читавших Септуагинту как Писание.

«Может ли молодая религиозная организация быть носителем традиции апостольской или, во всяком случае, стоять к ней ближе всех? Конечно, почему нет? Где Библия исключает такую возможность?»

Наше понимание проистекает от того, что апостольство исторично. Молодая организация не может быть носителем традиции не в силу какой-то важности старины (мы так не думаем), а по причине историчности, которая естественным образом выливается в 2000 лет существования преемства.

«В первом веке молодое христианское собрание неожиданно для иудейского истеблишмента получило благосклонность Бога, принялось творить чудеса и другие удивительные вещи. Я вообще не вижу связи между возрастом какой-то организации и способностью ее членов угождать Богу. Любая организация, любое юрлицо, любое название – вещь вторичная и совершенно техническая. Организации могут приходить и уходить, а истина остается. Важен возраст не организации, а тех учений, которой в этой организации придерживаются. Если моей организации две недели, но в ней исповедуют учения двухтысячелетней давности, то почему меня должно беспокоить, что организации две недели?»

Совершенно верно. И мы думаем так же. Только проблема опять же уведется в другое русло рассуждений. Истина определяется только в перспективе апостольского учения. Но чтобы понять, что оно есть, а чем не является, нужно быть причастными к опыту Богопознания, которое передали апостолы своим преемникам: «и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим.2:2). Можно читать послания апостолов, но понимать их превратно (2 Пет. 3:16), поэтому необходимо знать какую именно веру, какое понимание оставили апостолы Церкви: «При таких доказательствах, не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо Апостолы, как богач в сокровищницу,

вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни (Отк. 12.17). Она, именно, есть дверь жизни, а все прочие (учители) суть воры и разбойники. Посему, должно избегать последних, но с величайшим тщанием избирать то, что относится к Церкви, и принимать предание истины. Что же? Если бы возник спор о каком-нибудь важном вопросе, то не надлежало ли бы обратиться к древнейшим церквам, в которых обращались Апостолы, и от них получить, что есть достоверного и ясного относительно настоящего вопроса? Что если бы Апостолы не оставили бы нам писаний? Не должно ли было следовать порядку предания, преданного тем, кому они вверили церкви?» (Ириной Лионский, «Против ересей», кн. IV, гл. IV.1).

«Точно так же сегодня кто-то может самодовольно утверждать: «Отец у нас Авраам», подчеркивая свою давность и традиционность, однако если нет «достойных плодов покаяния», Бог не посмотрит на этого «Авраама», отвергнет эти разложившиеся институты и заменит «камнями» – людьми, которых никто не ждал и не воспринимал всерьез. Это дело Бога, чудо, если хотите. Бога не впечатлить возрастом. Так произошло в первом веке, так же может произойти в любом другом историческом периоде. Опора на древность и традиционность всегда была очень опасной ловушкой. Но церковь хочет снова и снова проводить эту политику, игнорируя такой огромный исторический опыт и библейские предостережения. Она словно хочет пройтись по всем граблям, какие находит».

Православная Церковь прекрасно понимает, что ни древность, ни традиционность не спасают. Автор пытается открыть для нас «Америку», и видимо думает, что евангельские слова «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» не звучат в нашем сознании. Известный греческий православный богослов Христос Яннарас так описал соотношение традиционности и Православия: *«На языке церкви мы называем "традиционализм" крайнюю тенденцию превратить Церковь в религию, заменить общение в церковном Теле индивидуальной дисциплиной и следованию готовым моделям и кодифицированным формулам. ... традиционализм подменяет уникальное и жизненно важное функционирование церковного Предания (передачу опыта через типы и формы действия, делающие возможной связь с жизнью и существованием) множеством "преданий", отрезанных от передачи совместного опыта. ... В традиционализме же, ... догматы, каноны и литургические чины перестают соотноситься с церковным опытом, обозначать и определять его. Каждый элемент приобретает самодостаточность и становится ценностью сам по себе. Догматы превращаются в идеологические принципы, каноны - в законнические постановления, а литургический чин - в обязательный церемониал. И индивид, "принимающий" эти принципы, выполняющий постановления и педантично соблюдающий церемониал, уверен в себе, в своей "вере", в своей "добродетели" и своем "благодетии", даже если он так никогда и не вкусил опыта того способа существования, который составляет Церковь»* (Христос Яннарас. Подлинность православного традиционализма). Так что проблема традиционализма прекрасно осознается современным православным богословием.

Мы не надеемся на древность наших догматов, не надеемся мы и на старину наших храмов и литургических чинов. Мы лишь веруем словам Спасителя: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Иоан.14:16), «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мат. 16:18), «Я с вами во все дни до скончания века» (Мат. 28:20). Мы смотрим на Церковь так, как научены апостолами: «Церковь Бога живаго - столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15), а «истина, пребывает в нас и будет с нами вовек» (2 Ин. 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ. Антон Чивчалов всячески пытается доказать будто христиане первой половины II века веровали совсем не так, как верила Церковь в IV веке. Предлагаем обратиться к фактам. Основу Православия составляет 1) верное исповедание главного христианского учения о Боге как Отце, Сыне и Святом Духе, 2) совершение таинств и 3) каноническое устройство Церкви. Вот по этим трем критериям мы и оценим раннее христианство первой половины II века. Обратимся для этого к «мужам апостольским» и ранним апологетам.

1) Исповедовали ли христиане Божество Христа? Безусловно:

«Довольствуясь тем, что Бог дал вам на путь земной жизни, и тщательно внимая словам Его, вы хранили их в глубине сердца, и страдания Его были пред очами вашими» (1 Кор. 2:1, Климент Римский).

"Для них есть только один врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос" (Игнатий Антиохийский. Послание к Ефесянам, 7).

"Ожидай Того, Кто выше времени - безвременного, невидимого, но для нас сделавшегося видимым; неосязаемого, бесстрастного, но для нас подвергшегося страданию, все ради нас претерпевшего." (Игнатий Антиохийский (Богоносец). Послание к Поликарпу, 3).

«И Давид предсказал, что "Он родится из чрева прежде солнца и луны" и показал, что Он, будучи Христос, есть Бог сильный и достопоклоняемый» (Иустин Мученик. Диалоги, 76) .

"Я убеждаю вас, обратитесь к этому великому делу для вашего собственного спасения, и позаботьтесь предпочесть Христа Всемогущего Бога вашим учителям.." (Иустин Мученик. Диалоги, 142).

«В гневе твоём не отдавай приказаний рабу твоему или служанке твоей, надеющимся на того же Бога, дабы они никогда не перестали бояться Бога, сущего над обоими Вами, ибо Он пришел призвать ко спасению, не по лицу судя, а тех коих уготовал Дух» (Дидахе 4,10)

"Мы же исповедуем, что Распятый есть истинный Бог во плоти, поклоняемся Ему, Господу, отверзшему рай. (Аристид. Слово о благоразумном разбойнике, 5-7)

Данные высказывания нельзя перетолковать так, как это делает Антон Чивчалов, заявляя, что ранние христиане называли Христа «Богом» в том же условном смысле, что и Свидетели Иеговы. На это можно пойти, лишь пренебрегая интеллектуальной честностью.

Существовало ли среди ранних христиан представление о «единосущии» Сына Отцу? Обратимся к Иустину:

«Но, друзья мои, - представлю вам другое свидетельство от писаний в доказательство, что как начало прежде всех тварей, *Бог родил из Себя Самого некоторую разумную силу*, которая от Духа Святого называется также славою Господа. то Сыном, то премудростью, то ангелом, то Богом, то Господом и Словом; .... Не видим ли подобное

этому и в нас самих? Произнося какое либо слово, мы рождаем его, но не чрез отделение, так чтобы уменьшалось слово в нас, когда мы его произносим. Подобным образом, мы видим от огня происходит другой огонь, но так, что ее уменьшается тот, от которого он возжен, а остается тем же, тогда как и возженный от него действительно существует и светит, без уменьшения того, от которого возжен. Свидетелем мне будет Слово премудрости, то Самое, Которое есть Бог, рожденный от Отца всего, Олово и Премудрость и Сила и Слава Родившего» (Диалоги, 61).

Хотя Иустин Мученик не употребляет самого слова единосущный, образы огня и речи, используемые им, ясно показывают, что он разделяет саму идею единосущности.

Что на практике означало исповедание Христа как Бога?

«Посему следует *всячески славить Иисуса Христа*, который прославил вас, для того, чтоб вы в единомыслии были утверждены в одном духе и в одних мыслях, и все вы говорили одно» (Игнатий Антиохийский. Послание к Ефессянам 2:1).

«*Молитесь о мне Христу*, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу» (Игнатий Антиохийский. Послание к Римлянам 4)

"Они утверждали, что вся их вина и заблуждение состояли в том, что они, обычно по определенным дням, собирались до рассвета, *воспевали, чередуясь, Христа как Бога*, и клятвенно обязывались не преступление совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное" (письмо Плиния младшего императору Траяну, ок. 110 год н.э.).

«Более того, их первый законодатель [Христос] убедил их в том, что все они братья друг другу, после того, как все они окончательно согрешили, отказавшись от греческих богов, начав молиться этому распятому софисту и живя согласно его законам» (Лукиан из Самосаты. О смерти Перегрины, 252).

Исповедовали ли ранние христиане Святой Дух как Божественную Личность?

«Примите совет наш, и не раскаетесь. Ибо жив Бог и жив Господь Иисус Христос и *Дух Святой, вера и надежда избранных*» (1 Кор. 58:2, Климент Римский)

"Так как князи небесные видели, что Он имеет вид, лишенный красоты, чести и славы, то, не зная Его, спрашивали: "кто этот Царь славы?" *И им отвечал Дух Святой от лица Отца или Себя самого*: "Господь сил, Он есть Царь славы" (Иустин Мученик. Разговор с Трифоном Иудеем, 36)

«И сознаемся, что мы безбожники в отношении к таким мнимым богам, но не в отношении к Богу истиннейшему, Отцу правды и целомудрия и прочих добродетелей, и чистому от всякого зла. Но как Его, так и пришедшего от Него Сына и предавшего нам это учение, ... *равно и Духа пророческого чтим и поклоняемся, воздавая честь словом и истиною*, и открыто преподавая это всякому желающему научиться так, как сами мы научены» (Иустин Мученик, Апология первая, 6).

Можно привести множество однозначных высказываний апологетов и отцов второй половины II века, однако мы решили ограничиться самыми ранними упоминаниями.

Теперь приведем свидетельства о епископате, как форме управления Церковью:

«[Апостолы] проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из верующих по духовном испытании поставляли во епископы и диаконы для будущих верующих. И это не новое установление; ибо много веков прежде писано было о епископах и диаконах. Так говорит Писание: "поставлю епископов их в правде и диаконов в вере" (Ис. 60, 17)». (1Кор. Климента Римского. 42:1)

«И апостолы наши знали через Господа нашего Иисуса Христа, что будет раздор о епископском достоинстве. По этой самой причине они, получив совершенное предведение, поставили вышеозначенных служителей, и потом еще установили закон, чтобы, когда они починут, другие испытанные мужи принимали на себя их служение. Итак, почитаем несправедливым лишить служения тех, которые поставлены самими апостолами или после них другими уважаемыми мужами, с согласия всей Церкви, и служили стаду Христову неукоризненно, со смирением, кротко и беспорочно, и притом в течение долгого времени от всех получили одобрение. И не малый будет на нас грех, если неукоризненно и свято приносящих дары будем лишать епископства». (1-е Коринфянам Климента Римского, 44)

«Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви. Только та евхаристия должна, почитаться истинною, которая совершается епископом, или тем, кому он сам предоставит это. Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь. Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви» (Игнатий Антиохийский. Послание Смирнянам, 8).

«Приветствую ее кровью Иисуса Христа, которая есть вечная и не перестающая радость для верующих, особенно если они находятся в единении с епископом и его пресвитерами и диаконами, поставленными изволением Иисуса Христа, которых по благоволению Своему Он утвердил непоколебимо Святым Духом Своим» (Игнатий Антиохийский. Послание филиладельфийцам, 1).

Обратимся к раннехристианскому пониманию таинств Причастия и Крещения:

«Итак, старайтесь чаще собираться для евхаристии и славословия Бога. Ибо, если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные его дела. Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов» (Игнатий Антиохийский Эфесянам 13).

«так что повинуйтесь епископу и пресвитерству в совершенном единомыслии, преломляя один хлеб, это врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее жизнь во Иисусе Христе» (Игнатий Антиохийский Эфесянам, 20).

В день Господень собравшись вместе, преломите хлеб и благодарите,

исповедавши прежде грехи ваши, дабы чиста была ваша жертва.
(Дидах.14:1)

Итак, старайтесь иметь одну евхаристию. Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша в единение Крови Его, один жертвенник, как и один епископ с пресвитерством и диаконами, сослужителями моими, дабы все, что делаете вы о Боге. (Игнатий, епископ Антиохийский. Послание к филиладельфийцам.)

Они [еретики] удаляются от евхаристии и молитвы, потому что не признают, что евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил, по Своей благодати. (Игнатий, епископ Антиохийский. Послание к смирнянам.)

«Пища эта у нас называется евхаристиею (благодарением), и никому другому не позволено участвовать в ней, как только тому, кто верует в истину учения нашего и омылся омовением в оставление грехов и в возрождение, и живёт так, как предал Христос. Ибо мы принимает это, *не как обыкновенный хлеб или обыкновенное питье: но как Христос Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел плоть и кровь для спасения нашего, таким образом, пища эта, над которой совершенно благодарение чрез молитву слова Его, и от которой чрез уподобление получает питание наша кровь и плоть, есть, - как мы научены - того воплотившегося Иисуса»* (Иустин Мученик. Апология первая, 66).

«Наше же учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия в свою очередь подтверждает учение. Ибо мы приносим Ему то, что Его, последовательно возвещая общение и единство плоти и духа. *Ибо как хлеб от земли, после призывания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей из земного и небесного; так и тела наши, принимая Евхаристию, не суть уже тленные, имея надежду воскресения»* (Иринеи Лионский. Против ересей, кн.5, гл. XVIII, 5).

«А что касается крещения, крестите так: преподав наперед все это вышесказанное, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в живой воде».
(Дидах.7:1-3)

«Относительно воды написано к народу израильскому, как он не примет того крещения, которое доставляет отпущение грехов, а учредить для себя иные...
... мы сходим в воду, полные грехов и нечистоты, а восходим из нее с приобретением - со страхом в сердце и с надеждою на Иисуса в духе»
(Послание ап. Варнавы 11)

"есть ли иное покаяние, кроме того, *когда сходим в воду и получаем отпущение прежних грехов?"* ("Пастырь" Ермы, книга II, заповедь четвёртая, раздел III)

"Должно стараться, чтобы вы познали, каким путём можете достигнуть отпущения грехов и получить надежду наследия благ обетованных. Другого пути и сему нет, кроме того, чтобы, познав Христа и *омывшись крещением во оставление грехов*, начали потом жить безгрешно" (Иустин Мученик. Разговор с Трифоном иудеем, 44)

«Кто убедится и поверит, что это учение и слова наши истинны и обещается, что может жить сообразно с ним, тех учат, чтобы они с молитвою и постом просили у Бога отпущения прежних грехов, и мы молимся и постимся с ними. Потом мы приводим их туда, где есть вода, и они возрождаются таким же образом, как сами мы возродились, то есть омываются тогда водою во имя Бога Отца и Владыки всего, и Спасителя нашего Иисуса Христа, и Духа Святого. Ибо Христос сказал: "если не родитесь снова, то не войдете в царство небесное" (Ин. 3.3-5)... чтобы не оставаться нам чадами необходимости и неведения, но чадами свободы и знания и чтобы получить нам отпущение прежних грехов,- в воде именуется на хотящем возродиться и раскаявшемся во грехах имя Отца всего и Владыки Бога ...» (Иустин Мученик. Апология первая, 61).

«Наконец, Он повелел им крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф.28:19), а не во имя Кого-то Одного. Ведь и не один раз, но трижды мы крещаемся в каждое Имя и в каждое Лицо отдельно" (Тертуллиан. Против Праксея. Глава XXVI).

Можно также для сравнения упомянуть о вере ранних христиан в посмертное состояние:

Петр от беззаконной зависти понес не одно, не два, но многие страдания, и так, претерпевши мученичество, отошел в подобающее место славы. ... [Павел] будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрел благородную славу за свою веру. Научив весь мир правде и дойдя до границы Запада, он мученически засвидетельствовал истину перед правителями. Так он переселился из мира и перешел в место святое, сделавшись величайшим образцом терпения. (1КорКлим.5:1)

«Блаженны предшествовавшие нам пресвитеры, которые разрешились от тела после многоплодной и совершенной жизни: им нечего опасаться, чтобы кто мог свергнуть их с занимаемого ими места» (1КорКлим.44:1)

Вы сотаинники Павла освященного, засвидетельствованного, достоблаженного, у ног которого желал бы я быть, когда приду к Господу (Игнат. Эфесянам 12)

Очищайте дух мой, не только теперь, но и тогда, когда я приду к Богу.
(Игнатий, Траллийцам 13)

Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола придут на меня, - только бы достигнуть мне Христа. (Игнат. Римлянам 5)

Возникает резонный вопрос: что же принципиально изменилось в IV веке в вере Церкви? Под каким членом Никео-Цареградского символа веры не смогли бы подписаться «мужи апостольские» и ранние апологеты, типа Иустина Мученика? Разве изменился взгляд на Божество Сына и Святого Духа? Разве таинства Причастия и Крещения стали по-другому осмысляться? Неужели в IV веке поменялось учение о епископах? Никто не отрицает, что в IV веке в Церковь хлынула масса бывших язычников, которые становились христианами не по причине духовных поисков. Ни для кого не секрет, что уровень благочестия и дисциплины стал значительно ниже, чем в доникейскую эпоху.

Монашество и стало естественной реакцией той части Церкви, которая не собиралась обмирщаться. Однако вопрос изначально был поставлен именно в плоскости мутации апостольской традиции, о ее качественно новой форме, а не о грехах людей Церкви.

Анатолий Дудоль